

Андрей Ланиус

16+

**Восточная быль
Шахерезады**

Ланиус Андрей

Восточная быль Шахерезады

«Автор»

2019

Ланиус Андрей

Восточная быль Шахерезады / Ланиус Андрей — «Автор», 2019

Детективная история из восточной жизни, основанная на строгих фактах, туманных слухах и вольных допущениях. «Даже сказки здесь — и те жестоки!» – пел о Востоке Высоцкий. В правоте слов барда нам предстоит убедиться, выслушав под чинарой все версии туманного события в маково-тюльпановой степи, где коварство «новых баев» и находчивость юных наложниц переплелись столь тесно, что трудно проследить каждую линию этого богатого ковра.

© Ланиус Андрей, 2019

© Автор, 2019

Ланиус Андрей

Восточная быль Шахерезады

1.

Городок Т., веками дремавший у самого порога необъятной пустыни среди проплешин солончака и зарослей верблюжьей колючки, был так мал, что обитатели его противоположных окраин могли с легкостью видеть друг друга, взобравшись на плоские крыши своих саманных жилищ.

Но картина решительно изменилась, когда рядом развернулась великая стройка. Будто по мановению джинна, сюда, в эти края, подобно тучам саранчи, хлынули орды чужаков – русские, кавказцы, корейцы, крымские татары, немцы, турки-месхетинцы и прочие инородцы, всех не перечесать. В считанные недели город оказался в тройном кольце вагончиков-контор и сборных барачков-общежитий. На пологих холмах, повсюду, куда достигал взор, быстрее весенних маков поднялись скопища подъемных кранов и железных мачт. Полчища вертких, настырно снующих самосвалов стерли в мелкую пухлую пыль всю степь вокруг, и овец пришлось перегонять за пределы самых дальних пастбищ. Гул великой стройки не умолкал ни днем, ни ночью, ее мощный многоязыкий водоворот бесцеремонно втянул в себя неторопливое течение местной жизни. Теперь даже аксакалы не удивлялись тому, что важные новости не успевают облетать Т. на протяжении дня, а то и вовсе гаснут по дороге.

Вот почему ни друзья Джанджигита, ни друзья их друзей, ни кто-либо из земляков ничего не могут сообщить о завязке этой драматической истории, отголоски которой впоследствии заставляли содрогнуться – и не раз – даже самые черствые сердца.

Всё открылось как-то вдруг, с середины, вспоминают друзья Джанджигита.

2.

Свои свободные вечера они проводили обычно всей компанией на берегу канала или в старой чайхане у трех карагачей, а то у кого-нибудь в гостях, и Джанджигит неотлучно находился с ними, в общем кругу, хотя и держался неприметно в силу своего кроткого, даже робкого нрава. С таким характером лучше бы родиться девушкой. Случалось, друзья подтрунивали над ним, но всегда – добродушно.

И вот однажды они спохватились, что уже третий день подряд никто из них не видит Джанджигита и не имеет о нем никаких известий.

Не испытывая, впрочем, никакой тревоги, друзья отправились к нему домой.

Еще издали они заметили у знакомого дувала его синий самосвал, а вот и сам Джанджигит вышел через низенькую калитку на пыльную улицу. При виде неожиданных гостей он остановился, потупив взор, а на его нежных, с персиковым пушком щеках заиграл яркий румянец.

– Эй, Джанджигит! – окликнули его друзья. – Всё ли у тебя хорошо? Здоров ли ты? Как себя чувствует твоя уважаемая матушка? Не обижает ли кто твоих младших братишек и сестреночек? Быть может, у тебя возникли неприятности в гараже? Или же опять начудили твои бестолковые дядья? Говори прямо, не стесняйся, ведь мы тебе не чужие.

Джанджигит поднял глаза, и друзья с изумлением обнаружили, что его румянец вызван не смущением, а какой-то совершенно несвойственной ему досадой.

И еще они разглядели только сейчас, что он аккуратен подстрижен и причесан, что на нем не привычная всем чумазая футболка, а выглаженная белая рубашка, что обут он не в стоптанные сандалии на босу ногу, а в начищенные до блеска выходные туфли, не успевшие еще запылиться.

Он порывисто прошагал мимо них к машине, обдав их чуждым ароматом – не того дешевого одеколона, которым здесь освежались после бритья, а каких-то терпких благовоний, забрался в кабину и уже оттуда крикнул – опять же с несвойственной ему гордыней:

– Незачем ходить за мной по пятам, подобно стаду баранов! Я вас не звал и в вашей помощи не нуждаюсь! – Тут он завел самосвал и резко газанул, накрыв компанию густым облаком глинистой желтой пыли.

Друзья, никак не ожидавшие от Джанджигита ни таких речей, ни такой выходки, на минуту онемели. Затем переглянулись и, выждав, пока уляжется пыль, направились в чайхану, чтобы без помех обсудить случившееся.

3.

Уже после первого чайника они единодушно пришли к заключению, что нет иных причин, кроме сердечных, которые могли бы так непостижимо повлиять на манеры их всегда стеснительного товарища.

Вообще-то, говоря откровенно, Джанджигит, несмотря на свою скромность, переходящую в застенчивость, несмотря на свою худошавую, даже в какой-то степени подростковую фигуру, был самым симпатичным парнем в компании. Да что там симпатичным! Красавцем хоть куда!

Своим удлинённым, благородного рисунка лицом он походил на сказочного принца со старинной миниатюры: такой же высокий чистый лоб, такие же густые и податливые темные волосы, шелковистые брови, тонкий нос с дерзкой горбинкой и раздувающимися ноздрями, мягкая щеточка усиков и глаза раненого оленя. С некоторых пор было замечено, что на него с интересом поглядывают не только свои девушки, но и русские, и корейки, и татарки!

И вот именно этому писаному красавцу, еще не осознававшему, впрочем, всю силу своей природной притягательности, этому славному, тишайшему и безобиднейшему парню так не повезло в жизни! Преждевременная смерть его уважаемого отца оставила семью без средств, с большими долгами, а дядья оказались пустыми, никчемными людьми, неспособными наладить даже собственное хозяйство, не то чтобы помочь ближайшему родственнику твердо встать на ноги.

Кто же отдаст свою дочь за представителя семьи, которая не в состоянии устроить свадебное угощение и уплатить калым, будь жених хоть трижды красавец!

Конечно, в газетах давно уже писали, что старый свадебный обряд чересчур обременителен, что нелепо годами ограничивать себя во всем ради двух-трех дней показной роскоши, уж лучше молодым истратить эти деньги, коли они собраны, на обстановку, на обнови, на интересное путешествие... Многие соглашались с этими доводами. На словах. Потому как существовала и другая точка зрения. В газетах о ней не писали, но ее горячо поддерживали многие уважаемые люди, особенно среди старшего поколения. Дорогая, пышная свадьба – твердая гарантия против скоропалительных разводов, залог крепкой семьи, доказывали они. Или вы хотите, чтобы у нас разводов было столько же, сколько у русских? Да и негоже отказываться от обычаев предков. Неизвестно, куда это может завести.

Разговоры разговорами, но свадьбы в Т. всегда проводились по старому обычаю: мулла, пятьсот-шестьсот гостей, достойные подарки для близких и соседей, музыканты с дутарами и карнаями, да и многое другое. А это значит – расходы, расходы, расходы...

Вот почему каждый заботливый родитель сразу же после рождения сына начинал упорно копить на его будущую свадьбу. Не был исключением и уважаемый отец Джанджигита, но коварная болезнь спутала его планы, и все накопления ушли на лекарства, а затем на похороны (которые тоже справлялись с широким размахом), да еще пришлось занимать, и новые долги прибавились к старым, ведь отец Джанджигита еще не успел рассчитаться за собственную свадьбу!

В этом деликатном вопросе друзья Джанджигита сочувствовали как раз самым передовым веяниям, зная, впрочем, что их самих ожидают пышные свадьбы, и не когда-нибудь, а нынешней зимой, вскоре после сбора урожая. Необходимые долги уже сделаны, отцы все подготовили. Не перечить же воле старших! Не перечить же воле старших!

Ладно! Вот когда они сами станут главами семейств, уважаемыми людьми в округе, тогда уж они позаботятся о более разумных порядках, чтобы на плечи их будущих детей никогда не ложилась тяжелая долговая ноша.

А пока нужно как-то помочь другу. Это ничего, что он повел себя немножко не по-товарищески. Это понятно и извинительно. Это он от неопытности и растерянности. Влюбился, наверное, в симпатичную соседку с глазами, как спелая черешня, и теперь расстраивается, что сыграть свадьбу ему не по карману.

Чудак! Неужели он не слышал о другом старинном обычае, как раз и рассчитанном на неимущих бедолаг?!

Невесту можно украсть, и таким образом избежать расходов на свадьбу! Но такое щекотливое предприятие должно быть тщательно подготовлено, и тут уж не обойтись без верных и надежных друзей. Они готовы стать ему опорой, но ведь он не зовет, напротив – как бы даже сторонится их участия.

А может, его избранница не из своих? Русская?

Некоторое время друзья Джанджигита оживленно обсуждали это предположение. Конечно, нравы русских свободнее: они не платят калым, не спрашивают разрешения у старших, считают в порядке вещей соединиться до свадьбы... Красота их женщин удивительна и разнообразна, но сердце русской красавицы своенравно и остывает так же легко, как и загорается. Семь раз нужно подумать, прежде чем жениться на русской. Подобного примера в Т. еще не бывало. Но ведь до великой стройки и русских здесь было наперечет.

После долгих споров друзья Джанджигита всё же сошлись во мнении, что связь с русской женщиной непременно заставила бы его искать их поддержки, чтобы не остаться один на один со всей махаллей. Но вместо этого Джанджигит ведет себя вызывающе, будто говоря: «Не такой уж я птенчик, каким вы меня считаете!» И откуда только в нем такая гордыня?!

Загадал же загадку Джанджигит!

До поздней ночи не покидали друзья чайхану у трех карагачей, поднявшихся над журчащим широким арыком, из которого, собственно, чайханщик и черпал воду для натужно гудящего самовара. Пиала за пиалой смаковали они янтарный напиток с привкусом желтой глины, привкусом, к которому здесь все привыкли с рождения, и говорили снова и снова о Джанджигите. Все годы их товарищества, которое брало отсчет еще от детских игр, друзья относились к нему покровительственно, как к более слабому, нуждавшемуся в защите, как к сироте, лишенному отцовского тепла. И вдруг оказалось, что этот тихоня обрел собственный голос! Ну, что ж, если он ощутил в себе мужскую силу, то в добрый час!

Вот только напрасно он не делится своей тайной с ними. Они ведь ему не чужие. При том, хоть и разросся их некогда крошечный городок до размеров крупного райцентра, а всё же утаить что-либо от земляков здесь всё равно не удастся. Друзья не сомневались, что всё разъяснится очень скоро и Джанджигит еще вернется в привычный круг и поведаст о своих душевных заботах.

– Ай, молодец! – согласились все.

4.

Между тем прошло еще несколько дней, а ясности не прибавлялось.

Джанджигит упорно избегал дружеских посиделок за дастарханом. Его синий самосвал не был замечен ни в Сухом Парке – микрорайоне, где большей частью жили русские, ни поблизости Химкомбината, где обосновалось целое поселение корейцев, ни на берегу Затона, где

обособленно и замкнуто обитали, будто выжидая заветного часа, крымские татары, сосланные когда-то в эти места. Тихо было и в Старом городе. Правда, один из младших братьев Джанджигита поведал, что за последнюю неделю тот дважды возвращался домой среди ночи, однако это известие ничего не доказывало, поскольку все знали, что дядя Джанджигита пасут чужие отары далеко в степи, и племянник регулярно навещает их, задерживаясь у кошары допоздна, а то и оставаясь там на ночлег.

Но вот прошел слух, что самосвал Джанджигита видели – причем, после заката – вблизи Больших Чинар.

Тут уместно заметить, что в Т. всякое большое дерево являлось своего рода достопримечательностью с собственной историей. Правда, с началом великой стройки ее начальники предприняли поистине титанические усилия, чтобы озеленить город, особенно, его новые кварталы. Специалисты, прикомандированные чуть ли не из столичного ботанического сада, высадили тысячи саженцев, наладили дренажную систему, внесли горы удобрений, но соль всё равно оказалась сильнее, и деревца, пошедшие в рост весной, к осени захирели и засохли. Из тысяч прижились считанные единицы, но и им предстояла еще долгая борьба за выживание на бесплодной, агрессивной почве. Среди пропитанных солью мертвых саженцев и выжженных солнцем сорняков нелепо смотрелись веселенькие скамейки с фигурными чугунными спинками. Потому и прозвали это бесприютное место Сухим Парком.

Но и старые деревья, сумевшие подняться над Т. в былые времена, росли или поодиночке, или небольшими группами, как три карагача у чайханы. И лишь вдоль берега старого канала, где всегда дул свежий ветерок, несколько десятков чинар смогли еще в незапамятную пору дружно пробиться корнями сквозь плотные слои желтой глины и серой соли и найти где-то там, в неизведанных глубинах, настоящую опору с чистой пресной водой. Оттого-то листва этих старых чинар всегда была зеленой как изумруд. Это был поистине благословенный уголок, почитающийся чудом природы на десятки километров вокруг, вплоть до самой долины, и получивший ласкающее слух название Большие Чинары. Всякому понятно, что под их тенистыми кронами могли обитать лишь самые уважаемые и могущественные люди города.

Глава 5

Эге, а не слишком ли высоко нацелился Джанджигит?

Так спрашивали многие, прознав, что парня принимают с задней калитки в доме бывшего управляющего городским промторгом Черного Хасана, того самого, которого нынешней весной приговорили к восьми годам с конфискацией имущества.

Подобно всем другим большим начальникам великой стройки, Черный Хасан не был коренным жителем Т., хотя и принадлежал к титульной нации. Его направили сюда с задачей чрезвычайной важности. Дело в том, что в городке всего-то и имелось каких-нибудь два-три магазинчика, которым более пристало бы называться ларьками, не говоря уже об их вечно полупустых полках. При прежнем укладе жизни такое положение было вполне терпимо. Но после того, как в Т. еженедельно начали прибывать сотни, а то и тысячи рабочих и служащих, включая семейных, с подобным уровнем торговли мириться было нельзя. Черному Хасану как раз и предписывалось наладить сеть разнообразных промтоварных и хозяйственных магазинов для удовлетворения повседневных нужд трудящихся.

Нужно отдать должное: Черный Хасан оказался разворотистым организатором. Начав, по сути, на голом месте, с нуля, он за какой-то год добился того, что в центре Т. поднялся двухэтажный универмаг со стеклянным фасадом и кафе под зонтиками на плоской бетонной крыше. В других оживленных точках города распахнули двери крупные промтоварные магазины и множество мелких лавочек, а за Сухим Парком раскинулась огромная торгбаза с нескончаемыми рядами складов и контейнерных площадок, где день и ночь разгружались автофургоны и трейлеры.

В этот начальный период своей деятельности на директорском посту Черный Хасан жил скромно и одиноко, занимая небольшую комнату в сборном бараке, который считался привилегированной гостиницей для кураторов стройки. Лишь на выходные, да и то не всегда, он укатывал на своей служебной белой «Волге» куда-то в долину, где, по неясным слухам, владел двумя домами и имел двух старых жен. В будни же он работал не покладая рук, вникал во все мелочи и обо всем знал. Никто и никогда не видел его пьяным или обкуренным анашой или же в компании распутных женщин, которые слетелись на запах баснословных заработков даже в эту плохо приспособленную для праздной жизни глушь.

Этот далеко уже не молодой, но все еще крепкий мужчина будто не ведал усталости. И всё выходило именно так, как он замышлял. На следующий год начали строить еще один, уже трехэтажный универмаг – как раз напротив городского базара, причем последний был значительно расширен и благоустроен – тоже благодаря хлопотам Черного Хасана. Внутри новых, поднявшихся, как степные шампиньоны после дождя, кварталов, среди однообразия панельных пятиэтажек, открывались отделанные с иголки современные магазины – обувные, мебельные, по продаже телерадиоаппаратуры... Народ обживался здесь надолго.

Прозвище Черный пристало к нему сразу же из-за характерной внешности: он был чересчур смугл даже для туземца, его наголо выбритая крупная голова отливала едва ли не гуталиновым блеском, а на мясистой рыхловатой физиономии выделялись густые, будто навешенные сажей брови и темные жгучие глаза. Еще одной приметой, закрепившей за ним кличку, было большое, совершенно черное родимое пятно, расположенное чуть ниже левого уха.

Итак, Черный Хасан. Какое-то время это прозвище употреблялось всеми с оттенком уважительности, ассоциируясь с огромным объемом черновой, черной работы, от которой он никогда не отлынивал в отличие от многих других райсов.

Но вскоре знающие люди заговорили о том, что недаром, дескать, бог шельму метит. Откуда-то стало известно, что еще с прежней работы в долине за ним тянется длинный хвост всяческих грязных (черных) делишек, что будто бы на его совести есть даже загубленные души и что он выплатил немалый бакшиш за свою нынешнюю беспокойную должность.

Э, слушай, разве он мало сделал для нашего города, возражали другие. Посмотри, какие теперь у нас магазины! Какой товар! В универмаге напротив базара висят французские костюмы, в обувном магазине выставлены итальянские сапоги! Когда такое бывало?! Разве тут не заслуга Черного Хасана? Разве не печется он неустанно о новых поступлениях? О нашем общем благе?

Знающие люди грустно усмехались в ответ. Не столько для вас старается Черный Хасан, говорили они, сколько для себя. Ибо с каждого рубля, которым вы оплачиваете покупки, он получает свой доход. В промторге на всех постах сидят преданные ему люди, знакомые с правилами двойной бухгалтерии. А на крайний случай он держит под рукой двух отъявленных душегубов. Помните, прошлым летом в затоне на мелководе утонул начальник контейнерной площадки? Поговаривают, он хотел провернуть какую-то выгодную сделку за спиной Черного Хасана. Вот и поплатился, чтобы другим неповадно было!

Французские костюмы! А сколько ходового, модного и дефицитного товара пускает он в обход прилавков! Сколько направляет окольными путями в долину, где у него остались надежные связи! А разве вы не заметили, что одновременно с сетью магазинов при нем расцвел и черный рынок, на котором прежде у нас продавали один лишь бараний курдюк?!

И это еще не всё! Этот напористый, изворотливый и страшный «благодетель» сумел подмять под себя не только местных райсов, которые стоят перед ним навытяжку, но и больших начальников стройки, включая присланных из самой белокаменной столицы, так что теперь через его руки, через его волосатые черные лапы, проходят все фонды, предназначенные для передовиков и новаторов, – автомобили, мотоциклы, ковры, импортная мебель, видеокамеры,

и, будьте уверены, не меньше двух третей этих фондов он продает по тройной, а то и десятерной цене другим казнокрадам.

А еще знающие люди утверждали, что богатый дом под Большими Чинарами обошелся Черному Хасану практически даром. Местные власти выделили лучший участок земли, который предназначался для детсада, один из начальников выписал стройматериалы, другой предоставил технику, третий – рабочую силу. Дом возвели, трудясь день и ночь, за неполные три месяца – вместе с подсобными помещениями, с кирпичной оградой выше человеческого роста, с фонтаном и большим хаузом, выложенными мраморными нежно-розовыми плитками с серыми и черными прожилками, плитами, завезенными для облицовки Дворца культуры химиков. А вы говорите – скромность! После отделки в дом еще целую неделю везли горы всякого добра – мебель, бытовую технику, ковры, посуду, белье, всё вплоть до туалетной бумаги!

Лишь после этого Черный Хасан отправился в долину за родственниками. Все ожидали, конечно, что он привезет одну из своих семей, а то и обе сразу, но он привез трех своих троюродных тетушек неопределенного возраста, молчаливых и необщительных, однако, как при метили позже, постоянно грызущихся между собой, а также свою племянницу Мухаббат.

После приезда родственниц в доме началась совсем другая жизнь. Что ни вечер – гости, веселье, смех, музыка, шашлык-кебаб, плов с молодым барашком, дыни слаще меда... Всех мало-мальски значимых проверяющих, кураторов, командированных из Москвы или из своей столицы, приглашали сюда непременно, а уж иных принимали, как арабских шейхов...

Казалось бы, ну что может поколебать благополучие Черного Хасана, человека властного, состоятельного и дальновидного?

Но недаром ведь существует поговорка: «Осторожная ворона в силочку боком попадает».

А поскольку он на тех самых плитах с прожилками. В буквальном смысле слова.

Вот как дело было.

Накануне в Т. прилетел очень важный московский сановник. Такой важный, что было бы правильнее написать это с большой буквы – Сановник. Вот так! Утверждали, что в Москве он был свободно вхож в самые высокие кабинеты и мог одним росчерком пера круто изменить судьбу чуть ли не любого человека. Между прочим, в столицу республики Сановник прилетел на персональном самолете, где даже туалет для него был устроен отдельно, – вот какой это был большой человек! А уж из столицы республики в Т. он прилетел на обыкновенном вертолете вместе с бригадой монтажников, поскольку, как рассказывали, не чурался при случае пообщаться накоротке с простым народом.

Вообще, в последнее время Сановник зачастил на великую стройку (хотя мог бы послать вместо себя любого из своих двенадцати заместителей). Это уже был его третий или даже четвертый приезд. По слухам, Сановник интересовался местными обычаями, а уж такой экзотики, как здесь, среди солончаков и барханов, было поискать! И будто бы именно на почве национальной экзотики Черный Хасан сумел расположить к себе эту могущественную персону.

Вот и на этот раз Черный Хасан постарался не ударить в грязь лицом. Для более детального ознакомления гостя с местными обычаями из областного музтеатра привезли самых стройных танцовщиц, а из циркового объединения – самых умелых канатоходцев, фокусников и факиров. По линии же национальной кухни в числе других деликатесов было приготовлено весьма редкое блюдо под названием «имам баилдий».

Вечер удался на славу. Важный гость выпил немного коньячку, отдал должное обильным закускам, с живостью наблюдал за танцовщицами в воздушных цветастых шароварах, чудом державшихся на полуобнаженных бедрах, смеялся анекдотам из жизни легендарного шутника Омирбека... Казалось, Сановник сделался почти ручным...

Принесли «имам баилдий». Пока источающее дивный аромат блюдо разделявали на порции, Черный Хасан объяснил гостю способ приготовления: тушки перепелов шпигуют кисло-сладкими сливами, затем этими перепелами начиняют тушу жирного барашка, всё натирают

специями и плотно заворачивают в тыквенные листья, которые аккуратно обмазывают жидкой глиной. Когда последняя подсохнет, всю заготовку помещают в неглубокую яму, а сверху разводят несильный огонь, который поддерживают в течение суток... «Неужели целые сутки?!» – простодушно восхитился гость. «Двадцать четыре часа! – авторитетно подтвердил Черный Хасан, после чего дал вольное толкование названию блюда: – Это такое вкусное кушанье, такое вкусное, что даже имам, которому предписывается воздержанность в еде, не устоял и едва не проглотил язык от наслаждения! Притом, это блюдо очень полезно для мужчин. В этом отношении оно лишь немногим уступает бульону Улугбека. Знаете, что такое бульон Улугбека? О-о! Это сказка! В следующий раз, когда вы снова окажете нам честь, почтив нас своим высоким присутствием, мы обязательно угостим вас бульоном Улугбека и расскажем о способе его приготовления. А пока отведайте, пожалуйста, «имам баилдий», очень вас просим...» Гость попробовал и тут же закатил глаза: «Ммм... Я думаю, не только имам обалдел бы, но даже – хм...» Он не закончил, но все понимающе рассмеялся, давая понять, что по достоинству оценили изысканно-смелую шутку небожителя.

Беда strяслась внезапно, когда Черный Хасан ожидал ее меньше всего.

Стремясь еще пуще развеселить гостя, директор промторга присоединился к танцовщицам, вступив в роль удалого джигита, как вдруг поскользнулся на тех самых мраморных плитках, которыми была вымощена также и площадка для представлений.

Нет, физически хозяин дома не пострадал, но последствия его падения были ужасны.

Всемогущий гость, чье драгоценное внимание доселе было сосредоточено на смуглых пупочках танцовщиц, разглядел внезапно, вот в эту самую минуту, злосчастные мраморные плиты.

Страшно переменявшись в лице, он поднялся из-за стола, строго кивнув своим помощникам, находившимся здесь же, и, сопровождаемый ими, в гробовом молчании покинул хлебосольный дом.

Всё прояснилось назавтра. Оказывается, плиты эти были особенные. Их покупали в Италии за валюту специально для Дворца культуры химиков. Мрамор сам по себе был очень редкий, дорогой, по всей стране им были облицованы лишь несколько станций метро в Москве и Ленинграде. На беду, Сановник лично курировал эти поставки, придавая им, по прихоти сильного, некое исключительное значение. Может, он полагал, что Дворец культуры химиков в далеком Т. станет ему своеобразным памятником, что местные акыны сложат хвалебные песни в его честь... Кто знает! Сановника ничуть не шокировали богатые хоромы Черного Хасана, имам баилдий, танцовщицы и канатоходцы, но плиты! О, плиты – это совсем другое дело, это покушение на принципы, на святыни, подкоп под устои! Присваивать дефицитный материал, оплаченный валютой! И кто же осмелился на это?! Местный бай, который и без того купается в золоте! Куда же мы придем с такими аппетитами!

Вдобавок, гость разглядел, уходя, что редчайшим мрамором облицованы также кирпичные стойки ворот, а у забора высится десятка полтора ящиков с драгоценными плитками.

Этот эмоциональный порыв большого человека дорого обошелся Черному Хасану!

Возможно, в другое время дело удалось бы замять, но на беду Черного Хасана именно тогда в недрах высшего государственного аппарата вызрело решение ударить для страха по расхитителям социалистической собственности.

При всей его изворотливости, Черный Хасан не сразу осознал, меж каких жерновов угодил, и до конца надеялся отделаться партийным взысканием. Но на этот раз его взяла за горло железная рука. Верная примета: как ни падка Москва на лесть и подношения, а всё же лучше ее не сердить. Даже по мелочам.

И вот вместо ожидаемого выговора по партийной линии Черный Хасан получил восемь лет с конфискацией имущества.

Знающие люди говорили между собой, будто накануне суда свой, родной, прокурор чуть не плакал у него в камере. Мол, Хасан, дорогой, мы все тебя уважаем, ценим твою честность и порядочность и готовы помогать тебе во всем. Но что делать, если Москва требует?! Пойми, Хасан, и не обижайся на меня. Если там заслышат, что мы определили тебе мягкое наказание, то пришлют сюда другую, свою, комиссию, а что она здесь может накопать, одному Аллаху известно! Пострадают многие уважаемые люди, а тебя это всё равно не спасет, только срок добавит, да еще отбывать его будешь в чужих, холодных краях. Уж лучше перетерпеть обиду, Хасан. Для виду дадим тебе большой срок с конфискацией имущества. Я же знаю, что конфисковать у тебя нечего, что всё свое имущество ты благоразумно записал на своих тетушек. Зато кичливая Москва будет очень довольна нашей принципиальностью. Так довольна, что быстро про тебя забудет. Подождем с полгода, а там потихоньку начнем пересмотр дела, и не позже следующей весны выйдешь по амнистии. Притом, содержаться будешь недалеко от дома, в хороших условиях, начальник тюрьмы – надежный человек, мой родственник... Свидания, передачи – хоть каждый день! Кушанье будет готовить специальный человек – бывший шеф-повар хорошего ресторана. Всё у тебя будет! Даже сможешь звонить домой из служебного кабинета. Только молчи!

Так волею судьбы процветавший Черный Хасан стал ээком.

Поначалу многие в Старом городе считали, что теперь-то тетушки заколотят дом, наймут сторожа, а сами вместе с Мухаббат переберутся в долину. Но нет, уезжать никто из них не помышлял. Гости в доме, конечно, уже не собирались, но жизнь за высоким кирпичным забором текла своим чередом.

Загадка немного прояснилась, когда стало известно, что освободившееся кресло Черного Хасана занял один из наиболее преданных ему людей, его дальний родственник. Тут уж все в открытую заговорили, что Черный Хасан по-прежнему руководит своей конторой, только из тюрьмы, а денежки как текли, так и текут в его сундук. Поэтому, наверное, и остались женщины в доме, чтобы держать крышку сундука открытой, да следить, не оскудевает ли денежный поток и все ли указания Черного Хасана выполняются точно и в срок. А что указания были, никто и не сомневался. Примерно раз в неделю, ранним утром, едва солнце показывалось над степью, из ворот дома выезжала белая «Волга», за рулем которой сидела Мухаббат, а рядом с ней располагалась одна из тетушек. Все знали, что они направляются в зиндан, где отбывает свою вину перед Москвой Черный Хасан, и до которого пути отсюда – пять часов быстрой езды.

И вот что любопытно: несмотря на все злключения, розовый мрамор так и остался в доме Черного Хасана – и не только в виде облицовки хауза, но и как запас, сложенный в ящиках у кирпичного забора.

Глава 6

Подошел черед рассказать о племяннице Черного Хасана.

Конечно, те, кто входил в круг доверенных лиц директора промторга и часто бывал в его доме, могли бы это сделать гораздо лучше нас.

Однако же и простые обитатели Старого города имели достаточно возможностей, чтобы судить о нраве этой своевольной пери.

Одним из излюбленных занятий Мухаббат было носиться на белой «Волге» своего дядюшки по новым бетонным дорогам, лентами опоясавшим город, при этом рядом с девушкой непременно находилась одна из молчаливых тетушек. Уже сама манера вождения выдавала в Мухаббат характер решительный, даже авантюрный. Требовательно сигналила, она без колебаний пускалась на обгон огромных автопоездов, пролетала через оживленные перекрестки на желтый свет. С особым водительским шиком она проезжала по старому мосту над каналом, по тому деревянному мосту без перил, который так не любили даже опытные шоферы, настолько узкому, что с обеих сторон колеса двигались по самым кромкам настила. Но и по этой обрыви-

стой теснине она неслась, не снижая скорости. Должно быть, несладко приходилось ее пассажирам! Надо полагать, тетушки докладывали Черному Хасану о рискованных гонках Мухаббат, но, похоже, тот принимал сторону племянницы, веря в ее счастливую звезду. Было у них что-то общее в натуре. Родня!

А еще Мухаббат любила остановить машину где-нибудь в людном месте, например, у ворот базара, и пройти вдоль рядов туда-сюда, ничего не покупая при этом. Зачем же приезжала? Да себя показать!

А ведь было что показывать, было!

Природа наделила ее белым лунообразным лицом, на котором как бы спорили между собой смеющиеся, искристые глаза и капризно вздернутая верхняя губа. Густые черные волосы, заплетенные обычно во множество мелких косичек, ниспадали до пояса, источая аромат благовоний. А сколько глаз смотрели вслед ее крутым бедрам и легкой походке танцовщицы! Чувствовалось издалека, что она ни разу в жизни не брала в руки кизяк, чтобы растопить тандыр, или веник, чтобы подмести двор. Нарядилась она всегда по восточной моде, в хан-атлас и шелка, самые переливчатые и яркие, и была вся увешана драгоценностями. Трудно сказать, румянила ли она щеки или же это играла ее молодая кровь, зато легко было заметить, особенно в летнюю пору, что она красит хной не только каким-то ладони, но и ступни своих маленьких ухоженных ног.

Иногда она входила в какой-нибудь магазин, брала там понравившуюся вещь, порой сущую безделицу, а порой что-нибудь дорогое, и, безмятежная, выходила на улицу, даже не удостоив взглядом продавца, который, отлично зная, кто перед ним, не осмеливался и заикнуться о расчете. Однако Черный Хасан, несомненно, был в курсе этих «покупок» и каким-то образом улаживал их позднее через кассу.

Рассказывали также (достоверных очевидцев мы назвать, однако, не можем), что по ночам, когда дом засыпал, Мухаббат выходила во двор, сбрасывала с себя всю одежду и подолгу плавала в хаузе, стенки и дно которого были выложены теми самыми нежно-розовыми мраморными плитками из далекой Италии. Кое-кто утверждал, что раз в месяц, всегда поздним вечером, предшествующим новолунию, во двор въезжал молоковоз и наполнял хауз свежайшим молоком, в котором затем плескалась надменная племянница могущественного Хасана. В том, мол, и заключается секрет ее белой кожи, столь редкой у местных красавиц. Впрочем, мы почти уверены, что эти слухи разносили злые и завистливые языки.

Сколько ей было лет?

Все, кто видел ее, сходились во мнении, что около двадцати двух, ну, может, в крайнем случае, двадцать три. А ведь в таком возрасте восточная женщина должна уже иметь трех-четырёх детей, если только она вполне здорова. Мухаббат же выглядела не просто здоровой – цветущей!

В чем же дело? Как могло случиться, что такая красивая и обеспеченная современная девушка, обладающая завидным здоровьем, до сих пор не имеет своей семьи? И для чего дядя привез ее из благодатной прохладной долины в эту пустынную знойную глушь?

О-о, тут был тонкий расчет!

Все знали, что Черный Хасан мечтает взлететь очень высоко и занять мягкое руководящее кресло не где-нибудь, а в столице республики. Но при всех его незаурядных достоинствах сделать громкую карьеру ему мешала принадлежность к захудалому роду.

Должность директора промторга в далеком Т., на краю жаркой пустыни, было пределом дозволенного ему другими влиятельными и удачливыми родами, которые делили между собой верховную власть в республике и зорко поглядывали, чтобы в их тесный круг не затесался какой-нибудь выскочка из низов. Но даже и к этой должности его допустили лишь по той причине, что здесь надо было всё создавать на голом месте, крутиться не покладая рук. Надо было работать. Вот ему и позволили работать. Ему, черной кости. Получится – хорошо, не полу-

чится – пусть отвечает за развал порученной работы! У него получилось. Но для элиты он так и остался черной костью. (Между прочим, именно ввиду худой родословной Черного Хасана, столичные раисы даже пальцем не пошевелили, чтобы защитить его перед Москвой. Можно подумать, их домашние хаузы были обмазаны саманом!)

Имелся единственный способ стать для них своим, ровней, – породниться с какой-нибудь влиятельной семьей. А где же и искать подходящего жениха, как не в Т., куда чуть не каждый день наезжали ответственные представители из министерств и главков, большей частью – молодые неженатые мужчины из тех самых вожделенных влиятельных кланов! Неужели же ни один из них не пленится столь совершенным созданием, как Мухаббат?!

Вот почему Черный Хасан и привез свою племянницу сюда! Вот почему держал ее в неге и холе, потакая всем ее капризам и не скупясь на расходы! При этом он весьма зорко следил, как бы среди светской сутолоки своевольная красавица ненароком не отдала бы своего сердца какому-нибудь бедолаге из еще более захудалого рода.

Поговаривали также, что Мухаббат уже побывала замужем за одним скромным учителем и что жили они замкнуто у его родственников, детей же не имели из-за болезни мужа. Черный Хасан до поры совершенно не интересовался своей племянницей, которую помнил лишь неказистой девчонкой. Но вот однажды на каком-то семейном торжестве Черный Хасан увидел Мухаббат во всей ее молодой красе, и у него тут же сложился план, как устроить ее судьбу с выгодой для себя. Он добился развода молодых, прельстив Мухаббат будущим богатством, после чего отвел ее к понятливому доктору, который за большие деньги сделал из нее снова девственницу, ибо только девственница может с достоинством войти в хороший дом и окрасить, как подобает, простыни в первую брачную ночь.

Впрочем, иные утверждали, что мужем красавицы был никчемный тип, наркоман, слабосильный мужчина, по причине чего она не смогла иметь детей. И будто бы жили они в нищете, пока однажды муж, тративший на зелье последнее, не умер от передозировки. Вот тогда-то, тронутый красотой племянницы, Черный Хасан пообещал устроить ей безбедную жизнь.

Так или иначе, все слухи сходились в одном: Мухаббат побывала замужем, но теперь, благодаря искусству умелого и неболтливового доктора, вновь обрела девственность, которая должна помочь ей войти скромной, невинной невестой в любую влиятельную семью.

Что же касается Черного Хасана, то он, готовый выполнять любой каприз племянницы, вместе с тем строго требует от нее полного воздержания в известном вопросе. Более того. Каждый вечер, перед сном, в доме под Большими Чинарами выполняется некий ритуал: Мухаббат осматривают все три тетушки. Именно три, потому что Черный Хасан не доверяет ни одной из них в отдельности, зато доверяет их общему согласованному мнению, зная, как они враждуют между собой, и умело поощряя эту вражду.

Любит ли Мухаббат своих тетушек, которые каждый вечер ехидно удостоверяются в ее непорочности? Подумайте сами. А любят ли тетушки свою подопечную, которая во всем остальном пользуется такими правами, о которых они и мечтать не смеют?! Наверное, спят и видят, как их палец проходит насквозь, не встречая нежной преграды...

Такая вот семейка обитала в богатом, переполненном всяким добром доме под Большими Чинарами.

Всего в этом доме – до ареста Черного Хасана – Мухаббат прожила около полутора лет. Десятки, если не сотни гостей, почти все из знатных родов, были приняты здесь за щедрым дастарханом. Но где же улов? Отчего в хитрые сети не попал ни вельможный сом, ни солидный усач, ни жирный жерех? Что-то не слышно было о сватовстве, о подготовке к свадьбе. Но нельзя и поверить, что никто не примечал такой девушки. Ведь Мухаббат к тому же замечательно пела, аккомпанируя себе на комузе, и часто выступала перед гостями, которые награждали ее пение одобрительными криками, слышными во всех концах Старого города.

А может, обуянный гордыней Черный Хасан слишком привередничал, метил чересчур высоко? Как бы ему не прогадать, как бы не упустить момента, ведь и самая пышная роза, в конце концов, увядает.

Неведомо, что думал по этому поводу Черный Хасан, ибо своими планами он никогда и ни с кем не делился, но никто в Старом городе не сомневался в том, что, даже сидя в зиндане, он продолжает плести сеть каких-то сложных интриг, и Мухаббат в его игре является одной из ключевых фигур, а может, и самой важной.

И вот, на пятом месяце его отсидки, пошел гулять слух, что в дом под Большими Чинарами проложил тайную тропку Джанджигит – неимущий бедняк из самого захудалого рода, весь в долгах по самые уши!

Глава 7

Чего только не говорили люди!

Будто бы во всем виноваты тетушки. Дескать, заказали они через директора автобазы (верного человека Черного Хасана) машину сухого саксаула для растопки тандыра. И надо же тому случиться, что дрова привез именно Джанджигит! Ну, ладно. Приехал, сгрузил, приготовился в обратный путь. И тут глупые тетушки, словно не понимая, что нельзя удерживать такого красивого парня во дворе, где изнывает от похоти луноликая красавица, уже побывавшая замужем, упростили его порубить сухие сучья на чурки! Как будто нельзя было нанять какого-нибудь неприглядного бабая! А Джанджигит и рад! Два вечера подряд рубил он корявые ветки на аккуратные чурки и, должно быть, сумел проникнуть своим кротким взглядом в тайный уголок женского сердца.

Глупые, глупые тетушки!

Но теперь, конечно, они обязаны доложить о случившемся Черному Хасану. Уже, наверное, доложили.

Что же предпримет Черный Хасан?

Очевидно, сначала постарается выяснить, далеко ли зашли отношения молодых людей.

А действительно, далеко ли они зашли?

Позволяет ли Мухаббат тетушкам осматривать себя? Или уже всё ясно без осмотра? Соловьиный клюв проник сквозь лепесток розы и опустил в золотой тигель серебряный слиток... Так, кажется, писали в старых сказках?

Ох, что же будет, ужасались одни! Черный Хасан придет в ярость, ведь он вложил в племянницу столько средств и сил, столько надежд! Он пушинки с нее сдувал, а тут явился какой-то оборванец и разбил хрустальную вазу. Кто из серьезных женихов посмотрит после этого на Мухаббат?!

Что за беда, усмехались другие! Лепесток розы! Перестаньте! Со временем Черный Хасан снова отведет красавицу к искусному доктору, и тот снова сотворит из нее девственницу, невиннее прежней! Да еще выдаст справку с печатями. Не в старые времена живем! Были бы деньги! Увидите, Черный Хасан еще добьется своего. Вот только выйдет из зиндана. Выдаст Мухаббат удачно замуж, а там через годик-другой переберется в столицу в кресло управляющего главком, а то и заместителя министра!

А вдруг это не интрижка, слезливо вопрошали третьи? Вдруг молодые люди твердо намерились соединить свои судьбы, бросить вызов обстоятельствам, вроде героев индийских кинофильмов? Но смилостивится Черный Хасан или нет? Не случилось бы беды...

Им не надо терять времени, утверждали четвертые. Надо придти к Черному Хасану с повинной, пасть перед ним на колени и молить его о прощении. Если же тот не простит, то надо не мешкая бежать в далекие края и там переждать бурю.

И только знающие люди, всегда имевшие свое особое мнение обо всем, что происходило вокруг, на сей раз не участвовали в этих оживленных пересудах, храня многозначительное молчание.

Глава 8

В первый момент у друзей Джанджигита просто дух захватило от неслыханного удалства их товарища. Ай да Джанджигит! Парень-то орлом оказался! Всех удивил! Заставил говорить о себе весь город!

Но вскоре отцы призвали к себе их, своих сыновей, и поведали им такую притчу:

– Некий купец владел драгоценной жемчужиной. Однажды он отправился в дальнее путешествие, поручив заботу о жемчужине добродетельной, но сонливой служанке. А к той жемчужине давно уже приглядывался дерзкий вор. Выждав, когда, по его расчетам, купец достигнет дальних краев, вор пробрался в дом и похитил жемчужину, обманув бдительность простодушной служанки. Ликуя, выбрался он из дома в сад, полагая, что самое трудное позади. Но тут раздвинулись густые кусты, росшие вдоль тропинки, и оттуда показались многоопытные стражники с обнаженными саблями, стражник, нанятые дальновидным купцом...

Видя, что младшие не понимают скрытого смысла иносказаний, старшие изъяснились проще:

– Черный Хасан – это купец. Каждая из его тетушек – сонливая служанка. Мухаббат – жемчужина. Ваш Джанджигит – дерзкий вор. Но кто же стражники? Этого мы не знаем. Но они существуют и, возможно, уже обнажили сабли. В любую минуту вашего легкомысленного друга может постичь участь глупого кеклика, заглянувшего в змеиное гнездо. Нам представляется неоспоримым, что у Джанджигита есть единственный выход: прямо сейчас, не теряя ни минуты, бежать куда-нибудь подальше – в Россию, в Прибалтику, в Молдавию – и затаиться там, подобно неприметной ящерке.

– Но почему он должен бежать? – несказанно удивились сыновья. – Так ли уж велика вина скромного парня, который полюбил племянницу влиятельного человека и добился от нее взаимности? Даже в старину за это никого не наказывали. Что случилось, то случилось...

– Слушайте же внимательно! – был ответ. – На днях в нашем городе объявился человек из долины, который одно время жил там по соседству с Черным Хасаном. Он, этот человек из долины, доверительно поведал некоторым нашим землякам – своим друзьям неизвестные подробности из жизни Черного Хасана. Слухи уже покатались по городу и достигли наших ушей. Негоже отцам говорить с детьми о подобных мерзопакостях, но тут случай особый, поскольку речь идет о жизни и смерти вашего друга. Так вот, Мухаббат никакая не племянница Черному Хасану, а его наложница, и жили они в непрерывном блуде!

– А как же... как же... – ошеломленные сыновья хотели спросить о ежевечерних проверках, которые тетушки устраивали Мухаббат и о которых знал весь город, но нужные слова не приходили на язык.

Впрочем, их поняли и без слов.

– Эти слухи Черный Хасан ловко распускал сам, чтобы избежать обвинений в распутстве и не лишиться партбилета. Благодаря случаю, теперь всё открылось, и картина видится совсем в другом свете. Черный Хасан, наверняка, взбешен, в его душе всколыхнулись самые низменные страсти, и в любую минуту он может приказать тайным стражникам пустить в ход острые сабли. Похоже, Джанджигит даже не подозревает, какую беду накликал на свою голову!

И еще сказали старшие:

– Очень жаль, что уважаемого отца Джанджигита забрала ранняя смерть! Он не допустил бы такого позора. Что же касается дядьев Джанджигита, то это, к сожалению, люди недалекие, они и о себе толком не могут побеспокоиться, где уж им читать назидания столь бойкому племяннику! Значит, вся надежда только на вас, его друзей! Пойдите же к нему и убедите

его исчезнуть из города. Дело зашло слишком далеко. Мы знаем, что он нуждается, поэтому собрали немного денег. На дорогу и на первое время ему хватит. И еще передайте, пусть пока не беспокоится о семейных долгах. Это потерпит. Пусть спасает свою грешную жизнь, пока еще не поздно!

Глава 9

Друзья долго не могли опомниться.

Так вот кто она такая на самом деле, эта Мухаббат!

Никакая не пери, не страдальца и даже не капризная, избалованная невеста! Она только по имени Мухаббат! В действительности же она распутница, джалаб, вроде тех бессовестных женщин, которые в дни, когда на стройке выдают зарплату, рыскают по всем шашлычным, чебуречным и лагманным, повсюду, где собираются подгулявшие монтажники, чтобы совратить самых сластолюбивых из них своей продажной любовью!

Так вот что произошло на самом деле! Заскучав в холодной постели, она решила позабавиться с красивым беззащитным пареньком и так приворожила его к себе, что он забыл о своих родных, о своих друзьях, совсем потерял голову!

Похоже, сама Мухаббат не слишком-то волнуется по поводу того, что их любовная связь открылась. Наверное, и над Черным Хасаном она взяла своими чарами такую неодолимую власть, что уверена в своей полной безнаказанности.

Отвечать же придется бедному Джанджигиту.

Тысячу раз правы отцы: Джанджигит должен бежать, и как можно скорее!

Друзья искали Джанджигита по всему городу, но безрезультатно. Когда же сумерки сгустились до цвета сиреневого бархата, разбавленного золотыми блестками звезд, друзья, смилив гордыню, ибо речь шла о спасении товарища, отправились к нему домой.

Его простодушная мать, до которой, видимо, еще не докатились ужасные слухи, спокойно ответила им, что Джанджигит собирался навестить своих дядьев и остаться на пастбище с ночевкой.

Понятно, к каким дядьям он направился!

Но не стучаться же в ворота дома под Большими Чинарами!

Они только попросили его родительницу передать Джанджигиту, если тот вдруг появится, что будут ждать его по крайне неотложному делу в чайхане у трех карагачей. Но что-то им подсказывало, что они окончательно утратили всякое влияние на своего еще недавно такого послушного друга.

Глава 10

Назавтра, с раннего утра, а была это суббота, весь базар бурлил, взбудораженный целой лавиной слухов, словно прорвавших некую плотину.

«О, Аллах, – не переставали удивляться старые знакомые, спеша сообщить друг другу самые свежие новости. – Вот, оказывается, как всё было на самом деле! Как же слепы мы были! Воистину: век живи, век учись!»

Говорили же сегодня во весь голос и на все лады о том, о чем друзья Джанджигита узнали от своих отцов еще вчера: Мухаббат не племянница Черному Хасану, а его наложница, джалаб! Примечательно, что когда прошло первое оцепенение, вызванное этой вестью, то почти каждый принимался твердить, что в глубине души он давно уже догадывался об этом, просто не хотел верить, что возможно подобное беспутство.

За этой главной новостью тянулась длинная цепочка подробностей.

Откуда-то стала известна даже такая тонкость, что будто бы Черный Хасан выкупил Мухаббат у другого начальника, помельче, обучил ее искусству обольщения и привез в Т. с далеко идущими планами. Вовсе не кичливый женишок из знатного рода был его целью. Он знал, что это почти недостижимо, но если даже такой брак свершится, то всё равно на него,

Черного Хасана, будут смотреть как на простолоудина, выскочку, черную кость и никогда не возвысят до вождельенных сфер.

Нет, Черный Хасан играл совсем другую игру.

Зачем пробираться в райский сад через заднюю калитку, если можно войти туда через главные ворота, с гордо поднятой головой?

Вот его решение: что ж, если свои не хотят его возвысить, тогда пусть это сделает Москва, всемогущая мировая столица, которой по силам переломать хребет любому несогласному, которая может возвышать и низвергать по собственному усмотрению, не спрашивая совета у знатных родов.

Для того-то он и приобрел Мухаббат, для того-то и нарядил ее Шахерезадой! А искусству обольщения ее обучили тетушки, являвшиеся в действительности старыми опытными своднями.

Черный Хасан вывел, что важные московские тузы, все эти вельможи и сановники, большие северные баи, падкие на восточную экзотику, запомнят его усердие и окажут ему в нужный момент необходимое покровительство. Ну, а для того, чтобы дело сладилось вернее, Черный Хасан предпринял еще кое-что...

Рассказывали, будто в доме имелась специальная комната без окон, вся увешанная большими коврами, да еще на полу лежали друг на дружке не менее пятнадцати штук, а поверх них для удобства были разбросаны маленькие бархатные подушки. Ни один звук не вылетал из этой комнаты, даже если бы кто-нибудь решил подслушивать под дверь. Именно сюда приводили в нужный момент важного гостя, уже разогретого винными парами. Тетушки приносили и ставили на низенький столик фрукты и дорогой коньяк, включали музыкальный центр. Звучал дробный восточный мотив. В комнату через потайную дверцу в стене впархивала Мухаббат – в полупрозрачных газовых шароварах, закрепленных так низко, что ее крутые бедра были обнажены до самой сокровенной впадины, вокруг которой были выщипаны все волоски (откуда-то прознали даже такую подробность!). Но лицо ее было закрыто темной чадрой. Она принималась извиваться в танце живота, при этом ее нагие груди прыгали как мячики. Через каких-то пять минут гость совершенно терял голову. Разнежившимся московским кураторам особенно нравилось, что узкие ухоженные ступни гурии окрашены хной. Восточный колорит! Они ползали за ней на четвереньках, как животные, хватили ее за пятки, роняя слюну, и молили: «Гюльчатаяй, открой личико!»

А назавтра подписывали Черному Хасану самые фантастические заявки.

Но погодите, погодите! Это еще не всё! Не такой он был простака, чтобы рассчитывать на одну только благодарностъ сильных мира сего.

В тех самых коврах, что увешивали стены комнаты свиданий, в самих стенах были просверлены аккуратные маленькие дырочки, через которые из смежных помещений можно было не только наблюдать за происходящим внутри, но и делать интересные фотографии. И будто бы безграмотные с виду тетушки, как бы не разбирающиеся в бытовой технике, на самом деле были искусными фотографами и очень профессионально снимали все эти беспутства. Со своей стороны, и Мухаббат старалась подставить гостя в кадр так ловко, чтобы были отчетливо видны и лицо, и всё остальное. (Особенно остальное – но непременно вместе с лицом!) Этим снимкам Черный Хасан и отводил роль козырей.

Главную свою надежду Черный Хасан возлагал на Сановника. Больно уж удачно всё складывалось. С одной стороны, имелись четкие фотографии, где этот московский бай был запечатлен в интересных позах. Вы понимаете, да? И лицо, и всё *остальное*. В непотребном, так сказать, состоянии. С другой стороны, Черный Хасан сумел выяснить, что его вельможный гость весьма привязан к своей семье и неустанно печется о собственной репутации правоверного коммуниста.

Удача сама плыла в руки. Но иной раз, когда удача дразнит слишком уж откровенно, человек должен быть вдвойне осторожным. Конечно, Черному Хасану осторожности было не занимать, как и звериного нюха, но обстоятельства сложились так, что он вынужден был спешить.

Дело в том, что накануне отправили в отставку министра торговли республики. Казалось, крепко сидел человек, корнями врос в высокое кресло! Но нет, дали и ему по шапке. За один день выпроводили на пенсию (хорошо еще, что не на скамью подсудимых!).

Как бы там ни было, а сытное место освободилось. Одновременно прошел слух, что Москва желает видеть на этом месте свежего человека из глубинки, не связанного родственными узами с правящим кланом.

Вот тут-то Черный Хасан и решил рискнуть. Вместо того, чтобы продолжать опутывать Сановника невидимым арканом и постепенно привязать его к себе крепко-накрепко, Черный Хасан выложил на стол свои козыри. Затем предложил взаимовыгодную сделку. Вам, мол, глубокоуважаемый товарищ, – эти интересные снимочки и их негативы, мне – кресло министра и ваше высокое покровительство. Вы также можете быть уверены, что в наших краях вас всегда встретят как султана, что в любой момент вас будут ждать волшебный бульон Улугбека, «имам баилдий» и проказница Мухаббат.

Разговор этот состоялся, как нас уверяют, во время предыдущего приезда Сановника. Беседовали, разумеется, с глазу на глаз, без свидетелей. Откуда в таком случае известны подробности? Да ведь и у стен имеются уши! Не сомневайтесь! Лучше слушайте дальше.

Поволновавшись немного, Сановник успокоился и, в конце концов, принял все условия Черного Хасана, заверив того, что вопрос решится в течение месяца, как только вернется из отпуска главный кремлевский человек по кадрам. Без него, мол, никак нельзя.

Черный Хасан смиренно согласился подождать. Но снимки снова спрятал.

Нет, не в добрый час затеял Черный Хасан это деликатное дело. Переоценил он свои возможности. Точнее, недооценил изворотливости москвича. Тот ведь только прикидывался овечкой. А клыки-то имел волчьи!

Усыпив мнимым согласием бдительность Черного Хасана, Сановник вернулся в белокаменную столицу и тут же послал в Т. ловкого доверенного человека, дав тому подробный тайный наказ.

Осмотревшись на месте, гонец сановника сумел прельстить щедрыми посулами начальника контейнерной площадки – дальнего родственника черного Хасана. Этот молодой мужчина часто бывал в доме под Большими Чинарами, пользуясь полным доверием хозяина. Он-то и выкрал фотографии и негативы, передав их московскому гонцу. Причем, выкрал так ловко, что Черный Хасан ничего не заметил, по-прежнему считая, что его «козыри» лежат себе спокойно в тайнике.

И вот спустя месяц с небольшим Сановник вновь пожаловал в Т. Черный Хасан был совершенно уверен, что вельможа привез с собой долгожданный указ. Привез лично, чтобы продемонстрировать всем степень своего покровительства новому министру. Они ведь так, собственно, и договаривались. В радостном предвкушении больших перемен Черный Хасан распорядился готовить праздничный той, лично выбрал барашка для того самого «имам баилдий».

Тем страшнее был удар, который нанес Сановник в точно рассчитанный момент, когда расслабившийся Черный Хасан меньше всего ожидал беды. Недаром ведь говорят, что Москва слезам не верит, а еще, что Москва бьет с носка. Под дых, без всякой пощады! Черный Хасан в полной мере ощутил это на себе.

Теперь вы поняли? Итальянский мрамор – просто повод. Необходимый повод для служебного разбирательства. Разве станут большие люди собачиться из-за подобных мелочей?

Жаждающий истины всегда ищет подоплеку событий. Особенно, если эти события носят странный характер.

Едва Сановник и сопровождающие его лица покинули пиршество, как Черный Хасан осознал, что его предали. Бросился к тайнику – там пусто!

Предателя он вычислил быстро.

Вскоре дрожащий от страха начальник контейнерной площадки стоял перед ним на коленях.

Черный Хасан сначала выяснил все необходимые для себя подробности, затем сказал так: «Не будь ты моим родственником, висел бы уже сейчас на собственных кишках. Ты сильно огорчил меня. И всё же я дам тебе возможность умереть легкой смертью. Иди домой, напиши записку, что вынужден свести счеты с жизнью, поскольку запутался в долгах, затем ступай к Затону и там утопись. Времени на всё даю тебе один час. А теперь убирайся с моих глаз!»

Вот как всё было на самом деле!

Но постойте, еще один вопрос: а почему Сановник согласился со столь мягким приговором Черному Хасану? Ведь мог бы прислать московскую комиссию, которая легко бы накопила фактов для расстрельной статьи. В те времена к стенке ставили и более уважаемых людей из торговой сферы. Не забыли еще про директора Елисеевского гастронома? А ведь могущественный был человек! С чего это вдруг Сановник пощадил какого-то азиата, посмевшегося ставить ему условия?

Э-э, слушай, при чем тут мягкость? Просто если бы следствием занялись серьезные органы, они установили бы, что и у сановника губы в чужом мёде. Коснись дело истинной подоплеку, уж Черный Хасан не стал бы молчать, рассказал бы обо всех, кто пировал в его доме. Но судили его только за мраморные плиты и еще кое-какую мелочь. Поэтому про Сановника он и словом не обмолвился.

Поговаривали, однако, что Сановник не забыл и не простил обиды. Он будто бы только выжидает, когда шумиха вокруг этого дела уляжется окончательно. А затем он хочет добиться перевода Черного Хасана на Колыму. Там вроде бы у Сановника имеются надежные, проверенные люди, которые позаботятся о том, чтобы Черный Хасан погиб в результате несчастного случая или был застрелен при попытке к бегству. Очень уж задело за живое его, правоверного коммуниста и примерного семьянина, эти неприличные, пакостные фотографии!

Вот что еще утверждала стоустая молва.

Будто бы, сидя в зиндане, Черный Хасан ни на ноготь не потерял своей природной уверенности. Он даже делает там гимнастику, проводит в спортивном зале по два часа в день! Он всерьез рассчитывает не только выйти из темницы по амнистии уже следующей весной, но и добиться пересмотра своего дела, полного оправдания, восстановления в партии и даже (слушайте, слушайте и не говорите, что не слышали!) назначения на всё еще вакантный министерский пост! Как вы думаете, что придает ему такую уверенность?

А вот что: несмотря на предательство родственника, у Черного Хасана в другом тайничке сохранились еще кое-какие вещи, крайне неприятные для Сановника. Почему же Черный Хасан не предъявил их следствию? А зачем? Будучи предъявленными, они теряют свою чудодейственную силу. О них должны знать только Черный Хасан и Сановник – вот тогда из них, этих неизвестных нам вещей, эти двое могут извлечь пользу для себя.

Будто бы Черный Хасан, наученный горьким опытом, сейчас тоже выжидает время. А в нужный момент, через своего доверенного человека, он предъявит эти вещи (в точности не известно, что это такое) Сановнику и потребует от него полной реабилитации и вождеденного кресла. В противном случае пригрозит сдать Сановника в КГБ (всё же известно, что эти таинственные вещи имеют очень большую силу!)

Потерпите немного, совсем скоро мы станем свидетелями воистину смертельной схватки между Черным Хасаном и Сановником.

Но сейчас к этой интриге добавилась еще и любовная. Слыхали последние новости из дома под Большими Чинарами?

Сонливые тетушки уразумели наконец то, о чем толкует уже весь город, и в доме разразился страшный скандал. Одна из тетушек будто бы попыталась запереть Мухаббат в комнате, но обуреваемая похотью красотка схватила со стола нож и весьма глубоко поранила свою надсмотрщицу в руку. Тетушки поневоле отступились от бунтарки, но тут же связались по телефону с Черным Хасаном и поставили его в известность о происходящем. И будто бы тот потребовал, чтобы Мухаббат немедленно предстала перед ним. Должно быть, вот в эту самую минуту она находится на пути к зиндану.

И уж тут все сходились во мнении, что ловкая Мухаббат как-нибудь сумеет обелить себя в глазах хозяина, а вот положение Джанджигита совсем скверное. Черный Хасан не простит его ни за что и ни при каких обстоятельствах.

Мы не станем утверждать, что весь базар только тем и занимался, что обсуждал свежие новости, касающиеся Черного Хасана, Сановника, Мухаббат и Джанджигита. Люди, как обычно, делали покупки, отчаянно торговались, ибо только очень скучный человек будет покупать на базаре, не торгуясь до самозабвения. И всё же, заметив поблизости доброго знакомого, каждый непременно спрашивал: «А вы слыхали?» И в ответ звучало: «Ох-хо-хо! Что-то будет! Добром это не кончится...» А другие говорили как бы даже с гордостью? «Вот какие дела творятся в нашем тихом городке! Некоторые столичные птицы, наверное, раньше и названия такого не знали, а теперь им икается, когда они вспоминают дом под Большими Чинарами!»

Глава 11

Как раз напротив базарных ворот, прямо через дорогу, высился куб нового, трехэтажного, универсама, обязанного своим рождением исключительно заботам и энергии Черного Хасана. Это современное здание из стекла и бетона, которое могло бы украсить любой областной центр, было выстроено на невысоком холме, притом так, что ко входу с вращающимися прозрачными дверьми вела широченная, в основании шире даже фасада здания, лестница в три десятка ступеней. Поэтому вход в универсам был виден практически со всех торговых рядов. Как всегда в базарный день, вся прилегающая к универсаму территория напоминала огромный людской муравейник.

И вот, как вспоминали позже, получилось так, что десятки глаз одновременно заметили белую «Волгу», подъехавшую к основанию этой лестницы. Пока машина тормозила, пока открывались ее дверцы, всё новые и новые взоры устремлялись в ту сторону, причем внимательные зрители дергали за рукав своих смене внимательных соседей, энергично шепча: «Смотрите же, и не говорите, что не видели!»

Из «Волги» вышли... Мухаббат и Джанджигит. Да-да, та самая Мухаббат, которая, по общему мнению, должна была находиться сейчас на пути к тюрьме, и тот самый Джанджигит, который, как утверждали некоторые, уже успел одуматься и драпануть за тысячу километров от Т.

Но они были здесь, вдвоем, без какого-либо сопровождения. В текучих потоках, движущихся вверх-вниз по ступенькам, эту пару заметили лишь те, кто находился рядом, но зато от торговых рядов туда смотрел весь базар.

Неслыханно! Вместо того, чтобы на коленях молить Черного Хасана о пощаде или бежать из города без оглядки, или, по крайней мере, затаиться, выдать слухи за нелепую ошибку, за оговор, за сплетню, за происки завистников, они прибыли в людное место, да еще в полдень, да еще в базарный день – вдвоем, рука к руке!

О, тут был вызов! Тут была какая-то необъяснимая, безрассудная отвага! И многие из тех, кто осуждал эту парочку и, в особенности, называл по-разному Мухаббат – распутницей, бесстыдницей, джалаб, – прониклись сейчас каким-то смутным уважением к ним, хотя и не

желали признаваться в том себе. По крайней мере, многие в этот момент проглотили собственные языки.

Если бы влюбленные продолжали скрывать свою связь, молва осудила бы их, хотя и по разным причинам; если бы они оборвали отношения, устранившись мести Черного Хасана, это сочли бы благоразумным шагом, но тогда не стоило и затевать, ведь изначально было ясно, каким окажется финал. Но то, что они появились вот так, в открытую, с высоко поднятыми головами, – о, это произвело впечатление даже на самых ярых их хулителей.

По мере того, как молодые поднимались по ступенькам, рука к руке, что-то менялось в настроении бескрайней толпы. Вот двое влюбленных зашли внутрь универмага, и базар снова загудел. Многие из тех, кто уже сделал покупки и собирался домой, нарочно медлили, вновь двинувшись вдоль рядов и поглядывая в сторону универмага. Всем хотелось посмотреть, как поведут себя Джанджигит и Мухаббат после посещения магазина, в котором служило немало людей, верных Черному Хасану. Хватит ли у дерзких выдержки и самообладания или же они отступятся, осознав, что перед ними стена? Самые же любопытные, даже из числа тех, кто еще не успел совершить всех покупок, поспешили наверх, к стеклянным дверям, чтобы находиться поближе к центру событий.

Ждать пришлось довольно долго.

Но, наконец, терпение интересующихся было вознаграждено.

Надо заметить, что ведь и внутри универмага находился народ. И он тоже смотрел на молодых со всех стеклянных этажей.

О нет, визит в универмаг, в эту вотчину Черного Хасана не нагнал на влюбленных страху.

Но вот вопрос: зачем они сюда приезжали? А зачем другие люди посещают магазины? Вот и они приехали за покупками. Вернее, за покупками для Джанджигита. Еще точнее – за обновлениями для него. Причем все эти обновления он уже надел на себя.

Парня не сразу и узнали, когда он вновь оказался на солнце. На нем был светлый костюм цвета сероватой местной соли, модная рубашка, ослепительно белая, будто только что раскрывшийся хлопок, плетеный кожаный ремень с медной пряжкой, лакированные светло-коричневые туфли, а еще он водрузил на свой точеный нос – с дерзкой горбинкой – темные очки в золотой оправе, похожие на крылья какой-то нездешней бабочки. И вот тут-то все увидели, что Джанджигит не просто симпатичный парень, а действительно писанный красавец, прямо-таки принц, раджа из недавнего индийского фильма!

И она была ему под стать, и всем своим обликом напоминала сейчас гордую перо, а не презренную наложницу.

Они спускались по ступенькам вниз, и толпа невольно расступалась перед ними, образуя широкий клинообразный проход. И казалось, само солнце услужливо освещает им путь, а легкий ветерок уносит с него вместе с пылью всё недоброе и злое.

И вот тут-то даже те, кто взирал на них исподлобья, кто втайне желал им несчастий, завидя их молодости, красоте и отваге, даже они в глубине сердца признались себе, что эти двое созданы друг для друга и, может быть, поступили правильно, что соединились вопреки всем традициям и обстоятельствам. Не о подобных ли парах сложены древние поэмы и сказания?

Они сели в машину и уехали.

Но еще целую минуту очевидцы пребывали в каком-то оцепенении, как если бы на их глазах случилось чудо.

Вскоре стали известны некоторые подробности пребывания пары в универмаге.

Рассказывали, что Мухаббат привела своего спутника прямо на склад второго этажа и, словно полноправная хозяйка, потребовала от заведующего отделом одеть и обуть Джанджигита с головы до ног во всё самое лучшее. От кого-то из подсобных рабочих стало известно, что заведующий вознамерился было поднять заносчивую красотку на смех, но внезапно на него нашел какой-то столбняк, и он, торопясь как при пожаре, выложил на прилавок весь дефи-

цит, припрятанный для уважаемых людей. Кроме того, Мухаббат выбрала для Джанджигита дорогие часы, нож-пичок в богато украшенных ножнах и кошелек из крокодиловой кожи. Особенно долго она выбирала ему очки – перебрала целую гору образцов, пока не остановилась на тех самых, в которых он вышел на улицу. По старой привычке ни у кого из продавцов не повернулся язык потребовать с нее плату. Но вот что случилось дальше: Джанджигит, этот бедолага, на шоферскую зарплату которого жила вся большая семья, достал из кармана тугую пачку десятков и расплатился со щедростью бека, не дожидаясь сдачи!

Вот так-так...

Что же это получается? Джанджигит за последнюю неделю не мог разбогатеть, это ясно. Значит, деньги ему вручила Мухаббат, у которой, понятно, могли быть солидные сбережения. То есть, она, очевидно, предоставила Джанджишиту некоторую сумму, чтобы он, как независимый мужчина, мог лично расплатиться за сделанные покупки. Ну-у, раз уж и денежные дела теперь у них общие, значит, воистину их связало серьезное чувство.

Но это лишь усугубляет их вину в глазах Черного Хасана. Его месть неизбежна. Если уж начальник контейнерной площадки был наказан смертью за тайную провинность, то какое же наказание будет уготовано тем, кто нанес Черному Хасану публичное оскорбление?!

Неужели влюбленные этого не понимают?! Зачем же они бросают открытый вызов столь страшному человеку?!

А может, это своеобразный способ самозащиты, умничали некоторые. Может, они берут в свидетели весь город, надеясь таким образом обуздать ярость Черного Хасана?

Ох-хо, как бы им не просчитаться...

Во второй половине дня домой вернулась одна из тетушек, ездившая на такси (ведь белую «Волгу» забрала Мухаббат!) на свидание с Черным Хасаном.

А к вечеру ответ бывшего директора промторга знал последний мальчишка из Старого города.

Черный Хасан велел передать Джанджигиту, чтобы тот присмотрел себе место на кладбище, расходы же по похоронам он, Черный Хасан, берет на себя. Далее заключенный заявлял, что в его власти раздавить Джанджигита, как ползущего по стене скорпиона, в любую минуту, хотя бы и нынешней ночью. Но он, Черный Хасан, – человек прямой, настоящий мужчина, и потому поступит так, как велит ему оскорбленная честь. Он не станет поручать возмездие надежным людям, которые только и ждут сигнала, чтобы заживо содрать кожу с нечестивца. Нет, он сам, своею собственной рукой покарает наглеца и сделает это с такой твердостью, что весь город содрогнется от ужаса! Такое оскорбление смывается только кровью! Той кровью, которая будет вытекать капля за каплей! И пусть дерзкий мальчишка не надеется, что ему отпущен еще немалый срок. Всё свершится в течение ближайшей недели. У него, Черного Хасана, есть необыкновенно хитроумный план, позволяющий вдобавок избежать ответственности за бесславную смерть этого никчемного выскочки.

Что же касается Мухаббат, то жизнь ей будет сохранена, однако на ее лицо впредь не захочет взглянуть даже прокаженный...

Город замер в тревожном ожидании. Мало кто сомневался, что всё будет так, как предрек Черный Хасан.

Глава 12

Друзья Джанджигита не присутствовали в полдень на базаре, но стоустая молва донесла и до них известие о триумфальном проходе влюбленных, равно как и о страшной клятве Черного Хасана.

Да, отцы были правы! Надо спешить!

Но лишь под вечер понедельника им удалось перехватить Джанджигита, когда тот подъехал к своей калитке на самосвале и вылез из кабины с двумя тяжелыми сетками, в одной из

которых была отборная баранина – редкий продукт в этом доме. Впрочем, соседи якобы уже заметили, что в последние дни Джанджигит приезжает домой не с пустыми руками.

Несмотря на то, что он находился днем за рулем, на нем и сейчас был тот самый светлый костюм, купленный в универмаге и уже тронутый кое-где пятнышками масла. На носу сидели те самые темные очки в золотой оправе, делавшие его взрослее и мужественнее.

– Эй, Джанджигит! – вышли они ему навстречу из тени. – Остановись на минуту! Надо поговорить!

Он глянул на них с новой своей высокомерной усмешкой:

– Зачем?

– Не отталкивай нас, мы твои друзья и хотим тебе добра!

Он кивнул:

– Ладно, поговорим! Подождите немного здесь.

Он вошел в свой дом, неся сетки, и даже не пригласил друзей войти следом, так что они остались терпеливо ждать его на улице. Эх, совсем другим человеком стал в считанные дни их тихий приятель!

Ждать пришлось довольно долго. Еще недавно они, не задумываясь, вошли бы во двор и расположились бы на айване, поджидая, пока он освободится. Но сейчас какая-то странная сила удерживала их перед калиткой.

Наконец, появился Джанджигит. Он прошел мимо них к самосвалу, открыл дверцу, поставил ногу на подножку и только тогда снисходительно кивнул:

– Говорите!

Друзья без утайки поведали ему о том, о чем в эти дни толковал весь город. Может, ослепленный любовью, сам он ничего не слышал? О тайной комнате с дырочками для фотографирования, а также о влиятельных московских гостях они, конечно, говорить не стали, но то, что Мухаббат – не племянница Черному Хасану, это подчеркнули особо, рассчитывая на его сообразительность. Стержнем же их разговора стала страшная клятва Черного Хасана, успешная уже обрасти жуткими подробностями.

– Ох-хо! – усмехнулся Джанджигит, не дослушав до конца. – А может, не такой он и страшный, этот ваш Черный Хасан? Может, просто пугает? А вот посмотрим, твердо ли держит он свое слово!

У друзей мурашки пробежали по спине.

– Опомнись! Тебе ли тягаться с Черным Хасаном?! Спасайся, пока не поздно! – наперебой заговорили они. – Вот, возьми на дорогу! – и они протянули ему деньги, которые передали им отцы и к которым они добавили от себя, сколько смогли. – На первое время тебе хватит. И еще: не волнуйся насчет семейных долгов.

– Теперь я понимаю! – недобро рассмеялся Джанджигит, поглядывая на радужные бумажки с величайшим презрением. – Вас послали ваши отцы, так? Переживают, что Черный Хасан зарежет меня, и тогда долг останется невыплаченным? – Тут его брови изогнулись, придав лицу злое и одновременно по-детски обидчивое выражение: – Передайте же им, чтобы не волновались! Я сполна рассчитаюсь с ними и, быть может, скорее, чем они того ожидают!

Наступил весьма щекотливый момент в разговоре.

Дело в том, что покойный отец Джанджигита брал в долг у многих людей, в том числе у отцов его друзей. Теперь за все долги отвечал Джанджигит, как старший в семье. Надо еще сказать и о том, что кредиторы ему достались весьма покладистые, они особенно не торопили с уплатой, понимая, что парень сначала должен встать на ноги.

Что же касается друзей Джанджигита, то никто из них и в мыслях не держал, что между ними могут стоять эти старые долги. Долги были сами по себе, а приятельские отношения – сами по себе.

Поэтому обидные слова Джанджигита, да еще пропитанные ядом и желчью, были просто несправедливыми, притом, что его добродетельные кредиторы вовсе не относились к числу богачей или ростовщиков и, давая некогда займы, отрывали от своей семьи, делились последним, не рассчитывая в будущем ни на какую выгоду.

Неосторожные слова, вроде тех, что позволил себе сейчас Джанджигит, нередко ведут к тяжелым ссорам, даже вражде.

К чести друзей Джанджигита, они проявили выдержку, ибо осознали вдруг с глубокой печалью, что их товарищ обезумел, как Меджнун, и видит события в искаженном свете.

– Вернись на землю, Джанджигит! – взмолились они. – Мы ведь желаем тебе только добра! Как и наши отцы... Эти деньги от чистого сердца. Беги, Джанджигит! Спасайся один или вместе с Мухаббат, раз уж не можешь без нее! Мы же клянемся тебе позаботиться о твоих домашних.

– Ах, какое благородство! – еще язвительнее скривился он. – У меня прямо слезы потекли из глаз! А если я скажу что Черный Хасан у меня вот где?! – и он решительно сжал свой худенький кулачок.

Такого ответа друзья не ожидали. Тут уж впору постучать пальцем по лбу.

– Джанджигит, ты безумец, маймун...

– Скоро вы все узнаете! Скоро узнают все! – с этими словами он заскочил в кабину и сорвался с места, газанув так, что друзья долго еще смахивали пыль со своих шевелюр, жестких, как стальная проволока.

Глава 13

Между прочим, все эти события протекали на фоне самой золотой поры в здешних местах. Стоял конец октября. Солнце еще пригревало щедро, но зной уже не досаждал. Улеглись и пыльные бури. Небо сделалось прозрачным и глубоким.

Прилавки на базаре ломились от изобилия фруктов и овощей, выпестованных даже на этой чахлой, просоленной земле, каждый клочок которой был полит в большей степени потом, чем водой. Корейцам снова удалось собрать богатый урожай сочного синего лука. На оживленных перекрестках возвышались внушительные пирамиды необхватных арбузов и дынь, и те из русских, кто приехал сюда недавно, просто шалели и от этого сказочного изобилия, и от цен, которые казались им дармовыми, хотя старожилы вздыхали, что именно с началом стройки цены на базаре взлетели на немыслимую высоту.

Но и всегда своевременная тема дороговизны не могла уже пригасить интереса обитателей Старого города к продолжающей стремительно развиваться истории выставленной напоказ опасной любви.

Стало доподлинно известно, что дерзкая Мухаббат совершенно пренебрегла приказом своего хозяина, так и не отправившись на свидание с ним. А во вторник, то есть, на третий день после субботнего потрясения, пронесся слух, что накануне Черный Хасан предложил тюремному начальству *любые деньги*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.